СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Т. И. Пашкова,
доцент кафедры русской истории

ИСТОРИЯ ОДНОГО «НЕМЕЦКОГО ШПИОНА», ИЛИ ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ ГИМНАЗИЧЕСКОГО УЧИТЕЛЯ ИВАНА ВЕЙЕРТА

14 августа 1914 г. на имя директора Десятой Санкт-Петербургской гимназии А. Н. Толмачева под грифом «секретно» пришел рапорт, из которого следовало, что его подчиненный, учитель немецкого языка Иван Федорович Вейерт, 25 июля по постановлению градоначальника был арестован по ст. 21 «Положения о государственной охране» и препровожден в Дом предварительного заключения, где содержался в одиночном заключении за № 2351 (политический) в камере 53, отделение 6 [1]. Сам заключенный в смятении сообщал начальнику, что был допрошен в Гатчинской городской полиции, затем в Петербургском охранном отделении и «заподозрен в шпионстве, преступлении самом тяжком и позорном для верного сына родины» [2].

Через неделю, 21 августа, судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда С.А. Юревич прислал в гимназию запрос, в котором интересовался, как Иван Вейерт «относился к Германии и Австрии в мирное время и после возникновения войны, не замечали ли … в нем особого уважения к Германской военной мощи и культуре или же напротив того … можете засвидетельствовать об его особом русском патриотическом настрое»[3]. Директор дал своему подчиненному вполне положительную характеристику, отметив, что к своим служебным обязанностям тот относился «добросовестно и за время своей службы ни в чем предосудительном в нравственном отношении замечен не был», а «после возникновения войны высказывал очень критическое отношение к Германии» [4]. 30 августа срок заключения был продлен на месяц, однако 6 сентября арестованный внезапно был освобожден из-под стражи, а 15 октября попечитель округа сообщил директору, что «к допущению Вейерта к исполнению своих обязанностей препятствий не имеется» [5]. Казалось бы, дело разрешилось благополучно, однако это было не совсем так. Семинедельное одиночное заключение серьезно подорвало физическое и психическое здоровье гимназического учителя, он перенес сильное потрясение и на время лишился трудоспособности. В материалах дела имеется докладная записка Вейерта директору гимназии, датированная октябрем 1914 г. [6]. Этот документ на первый взгляд производит странное впечатление своим откровенным неприятием всего немецкого (науки, литературы, искусства и т. д.), порождает сомнение в том, не был ли он написан специально для демонстрации соответствующим «компетентным органам» своей лояльности в связи с арестом автора по подозрению в шпионской деятельности. Однако более детальное знакомство с его текстом и обстоятельствами жизни Вейерта приводит, скорее, к выводу, что эта докладная записка — достаточно искренняя исповедь психически надломленного человека, порожденная чрезвычайными обстоятельствами. В ней есть все: не изжитые с годами юношеские комплексы, плохо скрываемая зависть к более удачливым собратьям по ремеслу, экзальтированная религиозность, нарочитый патриотизм и беспросветное мучительное одиночество.

Иван Александр Вейерт родился в Петербурге 24 июня 1865 г. в семье доктора медицины Фердинанда Вейерта [7]. В 1887 г. 22-летний юноша закончил филологический факультет Дерптского университета. Судя по всему, уже в студенческие годы у него были

серьезные психологические проблемы, Вейерт сторонился сверстников, не пользовался у них популярностью. Очевидно, то обстоятельство, что он оказался вне студенческих корпораций, которые позволяли своим членам чувствовать себя «избранными», застрахованными от всяких невзгод и имеющими надежду на хорошее прохождение казенной службы, сильно задевало его самолюбие. Поэтому задним числом он огульно обвинял эти союзы, а заодно всех немцев Дерпта («диких потомков тевтонских рыцарей») в презрении к русскому народу, антирусских настроениях, которые он уже тогда «прозорливо» заметил [8]. Молодой Вейерт поставил перед собой весьма своеобразную цель — даже «ценою личного счастья и успеха в жизни» по мере сил помешать успехам своих соплеменников. Он собирался верно служить России «в тени и безызвестности, дабы, в свою очередь, косвенно не усилить иноземного ига, против которого … всю жизнь боролся», «исключительно в подвиге личного унижения и тяжелого труда стяжать право именоваться русским, несмотря на немецкую фамилию» [9]. Автор записки обвинял «русских немцев» в том, что они «удачно устраиваются на лучших должностях чуть ли не во всех ведомствах и учреждениях», оттесняют русские таланты, вносят разлад между законом и жизнью и т. д. В результате у Вейерта произошло нечто вроде «раздвоения» личности: он ощущал себя сыном немецких родителей, но в то же время — верным сыном России, готовым принять за нее «всякую муку и даже смерть»; был уверен в том, что «нельзя быть в одно и то же время хорошим немцем и хорошим русским» [10]. 31 декабря 1891 г. Иван Фердинандович Вейерт, «состоявший доныне в лютеранском вероисповедании, вследствие изъявленного им решительного желания по церковному чиноположению» был «присоединен к православной восточной церкви с наречением св. имени Иоанн в честь Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна…» [11]. По его признанию, таким образом «жажда слиться духовно с народом…получила утоление», но повлекла за собой конфликт с отцом и окончательный разрыв с товарищами [12]. Подобные «чудачества» не остались незамеченными в его среде, — он «терпел и был предметом насмешек» [13].

После окончания университета и получения диплома кандидата древнеклассической филологии Вейерт, «считая себя недостаточно подготовленным к деятельности в государственной школе», поступил воспитателем в частный дом, где прослужил с 1887 по 1894 г. Несмотря на некоторые заманчивые предложения о протекции в устройстве на службу по ведомству Министерства народного просвещения, он «к немалому удивлению» своих покровителей отказался, «не считая возможным отступать от главной цели жизни служить бескорыстно» [14]. В 1895 г. наш герой «с трудом» устроился на должность помощника классного наставника в Санкт-Петербургской гимназии Императорского Человеколюбивого общества, затем с 1896 г. служил учителем древних языков в Вологодской гимназии, а в 1899 г. перешел на службу преподавателем греческого в Петербургскую Десятую гимназию [15]. Последняя располагалась в отдаленной от центра части города по адресу 1-я рота Измайловского полка (ныне — 1-я Красноармейская ул.), д. 3/5 и предназначалась главным образом для детей бедного чиновничества, ремесленников и мастеровых, то есть «бедного и малокультурного класса». Судя по воспоминаниям бывших учеников, Д. А. Засосова и В. И. Пызина, школа в начале XX в. относилась к захудалым учебным заведениям и была на плохом счету у высшего начальства. Проявлялось это, в частности, в том, что некоторых педагогов переводили туда на службу из других гимназий в качестве наказания [16].

Жизнь рядового учителя в столичном городе начала XX в. была нелегка: имея 16 уроков в неделю и классное наставничество, Вейерт получал меньше 100 рублей в месяц. «Находясь в крайне стесненном материальном положении и получая весьма умеренное

казенное содержание», учитель несколько раз подавал прошения на имя директора гимназии о выдаче денежного пособия (19 марта 1901 г., 6 мая 1902 г., 12 января 1904 г. и 22 января 1905 г.) [17]. Чтобы свести концы с концами, Вейерт, как и многие его коллеги, преподавал одновременно в нескольких средних и высших учебных заведениях. В 1901 г. при историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета он прошел испытание на звание учителя немецкого языка в гимназиях и прогимназиях [18], а уже в августе 1902 г. устроился преподавать немецкий по найму в 1-м классе Первой мужской гимназии, 30 сентября того же года — в Политехническом институте [19]. В результате, с 1902 г. Вейерт, по его собственному признанию, ни разу «не был ни в театре, ни в концерте, ни на выставке, и потерял здоровье». Трудно сказать, почему гимназический учитель испытывал хронический дефицит денежных средств; ведь он работал в нескольких местах и, главное, был холост [20], а неженатым мужчинам жалованья обычно вполне хватало на жизнь. Только одно его прошение о пособии от 22 января 1905 г. проливает свет на некоторые конкретные обстоятельства. Вейерт обращал внимание директора на то, что «в течение минувшего 1904-го года … выпустил в свет четыре части “Немецкой книги для чтения для старших классов”, истратив на это издание свыше тысячи рублей». Поскольку, по утверждению автора, в основу книги были положены «чисто теоретические соображения», он не мог рассчитывать на какое-либо возмещение расходов от ее продажи [21]. 17 февраля 1905 г. директор ходатайствовал перед вышестоящим начальством о выдаче Вейерту пособия размером в 200 рублей (то есть его траты все равно не были компенсированы) [22]. В 1907 г. он устроился преподавать дополнительно в Михайловское артиллерийское училище [23], но только в 1912 г. его материальное положение несколько улучшилось: нагрузка стала составлять 14 часов в гимназии и 9 — в Политехническом институте, жалованье было повышено (по данным на 1914 г. в гимназии И. Ф. Вейерт получал 2250 руб. годовых, из них 1050 за уроки и 1200 прибавочных) [24].

Но вернемся к взглядам скромного гимназического учителя, изложенным им в докладной записке. По замечанию И. Ф. Вейерта, и в институте, и в средней школе, где было возможно, он «руководился в научных … занятиях … мыслью: научить, осторожным подбором материала, учеников работать самостоятельно, а студентам всегда указывал на ограниченность немецкой науки». С его точки зрения «освобождение русской науки от торжества немецкого духа» было целью, «достойной трудов верных сынов России» [25]. Отметим при этом: щекотливость ситуации заключалась в том, что уже с 1902 г. Вейерт зарабатывал себе на жизнь преподаванием родного, но столь не любимого им немецкого языка. Вероятно, это был вынужденный шаг, связанный с тем, что Министерство народного просвещения под давлением общественности с 1901/1902 учебного года стало постепенно сокращать гимназические программы по древним языкам. Соответственно, уменьшались нагрузка и жалованье преподавателей латыни и греческого [26]. Таким образом, человек, искренне считавший, что немцы под влиянием капитализма стали «торгашами, развратниками, атеистами», называвший любые произведения немецкой живописи, архитектуры, литературы «бесталанными» и «дикими», обучал подрастающее поколение языку этой «варварской» нации [27]. Надо полагать, что подобное положение вещей вызывало у Вейерта состояние серьезного психологического дискомфорта.

Тем не менее, Иван Вейерт ревностно трудился на ниве народного просвещения, служа тем целям, которые он перед собой поставил, получал в срок положенные чины, имел за усердие награды — ордена Станислава и Анны III степени [28], как вдруг над его головой разразился гром. Убежденный русофил по злой иронии судьбы оказался под арестом за шпионаж в пользу Германии. По сохранившимся в деле документам трудно определить,

в чем конкретно обвинялся Вейерт, но можно предположить, что он стал жертвой ложного доноса или недоразумения (ведь его освобождение из-под стражи сопровождалось формулировкой «за недоказанностью события преступления» [29]). В атмосфере всеобщей подозрительности, охватившей русское общество в 1914 г., это было вполне вероятно [30]. Не случайно 4 августа 1914 г. (Вейерт в это время уже находился под стражей) Министерство народного просвещения затребовало секретным предложением «немедленно доставить сведения о всех германско- и австрийско-подданных, находящихся на службе в учебных заведениях» [31]. Ситуация продолжала ухудшаться и дальше: через год, в сентябре 1915 г., попечитель округа Н. К. Кульчицкий разослал директорам школ предписание, согласно которому министерство не рекомендовало «в переживаемое ныне … Родиной время» назначать на должности классных наставников «лиц из числа преподавателей немецкой национальности» [32]. Очевидно, арест и содержание под стражей в полной изоляции от внешнего мира стали для учителя страшным ударом. Он чуть было не потерял рассудок после пережитого потрясения, его мучили сердечные припадки и приступы удушья. Как истинно верующего человека Вейерта больше всего пугало то обстоятельство, что ему грозит неминуемая смерть в тюрьме «до оправдания…без покаяния, без причастия священника» [33]. Соответственно, свое внезапное освобождение он приписал вмешательству высших сил: «На краю гибели рука Всевышнего меня спасла… Вера спасла меня. Весь остаток моей жизни принадлежит Всемогущему Богу, избавившему меня чудом милости Своей. Слава тебе, Господи!» [34]. После выхода из тюрьмы 50-летний Вейерт стал рваться на фронт, осознавая при этом, что он «инвалид» и не может пригодиться даже в качестве санитара. Единственное, что ему оставалось — проявить свои патриотические чувства, перечислив деньги, полагавшиеся ему на лечение, в пользу раненых [35]. Вероятно, после рождественских каникул учитель вновь приступил к преподаванию (из отчетов гимназии видно, что за 1914 г. Вейерт пропустил 418 уроков, что составляло 21,5 % от его нагрузки [36]); в 1915/1916 учебном году он имел 13 уроков в неделю в старших (с IV по VIII) классах; «за отлично усердную службу» в срок был представлен к ордену Станислава II степени [37].

Итак, никаких формальных последствий для его служебной карьеры история с арестом не имела, он не был выслан из Петербурга, как многие его соплеменники. Однако в целом материалы этого дела отражают нервозную атмосферу, сложившуюся в стране в 1914 г., «шпиономанию», жертвой которой становились многие ни в чем не повинные люди. Историю Ивана Вейерта можно, таким образом, считать характерным примером «маленькой трагедии великих потрясений».

Примечания

1. ЦГИА СПб. Ф. 44. Оп. 1. Д. 326. Л. 13.
2. Там же.
3. Там же. Л. 15.
4. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14285. Л. 117 об.
5. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 326. ЛЛ. 19, 20, 28.
6. Там же. ЛЛ. 13 — 34 об.
7. Там же. Д. 560. Л. 4 об.
8. Там же. Д. 326. ЛЛ. 29 — 29 об.
9. Там же. ЛЛ. 30, 31.
10. Там же. ЛЛ. 31, 34 об.
11. Там же. Д. 560. Л. 5.
12. Там же. Д. 326. ЛЛ. 32, 34 об.

13. Там же. Л. 30.
14. Там же. Л. 31 об.
15. Там же. Д. 326. Л. 31 об.; Д. 560. ЛЛ. 1, 10 об. — 11 об.
16. *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890 — 1910-х годов. Л., 1999. С. 164.
17. ЦГИА СПб. Ф. 44. Оп. 1. Д. 560. ЛЛ. 22, 42, 56, 62.
18. Там же. ЛЛ. 31, 60.
19. Там же. Л. 43, 44.
20. Там же. Л. 90.
21. Там же. Л. 62.
22. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10268. Л. 8.
23. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 560. Л. 77.
24. Там же. Д. 326. Л. 32; Список лиц, состоящих на службе в Петроградском учебном округе на 1914 г. Пг., 1914. С. 96.
25. ЦГИА СПб. Ф. 44. Оп. 1. Д. 326. Л. 34.
26. См.: *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802 — 1902. СПб., 1902. С. 717; Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1902 год. СПб., 1904. С. 159.
27. ЦГИА СПб. Ф. 44. Оп. 1. Д. 326. Л. 34.
28. Там же. Д. 560. ЛЛ. 91 об., 92 об.
29. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14285. Л. 128.
30. См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998; *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2.
31. ЦГИА СПб. Ф. 44. Оп. 1. Д. 163. Л. 24.
32. Там же. Д. 163. Л. 26.
33. Там же. Д. 326. Л. 32 об.
34. Там же. Л. 33.
35. Там же. ЛЛ. 26 — 27.
36. Там же. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14285. Л. 20 об.
37. Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 414. Л. 38